

Социальный миф в художественной повседневности романа З. Бядули «Язэп Крушынскі»

М.М. ИОСКЕВИЧ

Цель статьи – определить пути проникновения социального мифа в художественную повседневность в романе З. Бядули «Язэп Крушынскі». Выявлено, что социальный миф реализуется на уровне системы персонажей романа. Отрицательный модус восприятия «врагов» формируется за счет двойственности повседневности, которая обнаруживается на вербальном, поведенческом и ценностном уровнях изображения.

Ключевые слова: социальный миф, повседневность в художественном тексте, враг народа, Змитрок Бядуля, «Язэп Крушынскі».

The purpose of the article is to reveal penetrating ways of social myth in the literary everyday life in the novel «Jazep Kruszynski» by Żmitrok Biadula. Social myth is implemented in the system of characters of the novel. Negative modus of perception of «enemies» is formed by the duality of their everyday life, which is realized on verbal, behavioural and axiological levels of depiction.

Keywords: social myth, everyday life in a literary text, enemy of the people, Żmitrok Biadula, «Jazep Kruszynski».

Введение. Социальный миф, как известно, является основным средством манипулирования общественным сознанием. П.С. Гуревич определяет это понятие следующим образом: «Социальный миф – это особого вида духовная деятельность по созданию, распространению и поддержанию политических иллюзий, умышленно вырабатываемых правящей элитой для воздействия на массы. Социальные мифы освящают вечные вопросы власти и подчинения, зависимости и свободы, несправедливости и равенства» [1, с. 9].

Социальный миф был основой советской идеологии. Основным содержанием советского социального мифа, который обладал сложной структурой, было построение идеального коммунистического общества. Как известно, «коммунистическая идеология заимствовала многие образы, каноны и ритуалы христианской религии, которую она отрицала. Главным ее догматом была возможность создания совершенного общества, где не будет ни эксплуатации, ни войн, ни несправедливости, где расцветут добродетели и исчезнут пороки» [2].

В 1920–30-е гг. в СССР основной преградой на пути к построению идеального общества стали «враги» – зажиточное крестьянство и интеллигенция, что привело к массовым репрессиям и уничтожению этих социальных слоев. Следует отметить, что в 1920-е гг. Советская Белоруссия была преимущественно «сельской страной (крестьянство составляло 84,5 % от всего населения). Ведущую роль в сельском хозяйстве занял инициативный зажиточный крестьянин» [3, с. 8]. Новые принципы ведения хозяйства (НЭП) поначалу давали ощутимые результаты: беднота сократилась в два раза, крестьянство в целом стало более зажиточным. Однако дальнейшее развитие сельского хозяйства вступило в противоречие с административно-командной системой государственного управления. Экономические проблемы ставились в вину кулакам, против которых развернулась спланированная кампания.

Параллельно с процессом коллективизации шел разгром «национал-демократизма», в приверженности которому были обвинены ведущие деятели науки и культуры. Репрессии против интеллигенции перечеркнули завоевания белорусизации как официальной государственной политики, утвержденной 15 июля 1924 г. II сессией ЦИК БССР. Первая волна преследований совпала со временем создания второй части романа. Искусственно было сфабриковано дело контрреволюционной организации «Союз освобождения Белоруссии», по которому проходило 86 человек. Во главе организации якобы стояли И.Ю. Лёсик (дядя Я. Коласа), С.М. Некрашевич, В.Ю. Ластовский и др. Организацией были будто бы охвачены «ответственные посты советской работы», «краеведческие секции», «все учебные заведения и печать» [4].

Закономерен вопрос об авторском осознании и отношении к социальному мифу, путей его отображения в художественном произведении. Как мы полагаем, определить это представляется возможным посредством *анализа отражения социального мифа через повседневность в художественном тексте*.

Под *повседневностью в художественном тексте* необходимо понимать изображение устойчивых, регулярно повторяющихся (возобновляемых) жизненных практик персонажа либо группы персонажей (социальной группы, общности, нации и т.д.), локализуемых в определенном времени и пространстве. Повседневность предстает как составляющая художественного мира произведения, ответственная за реалистическое воспроизведение вымышленной реальности.

Понятие «повседневность» неразрывно связано с системой персонажей художественного произведения. Жизненный мир персонажа или, иначе говоря, «я-повседневность», состоит из личного и социального пространств. Социальное пространство определяется обязанностями перед государством и включает в себя общественную и профессиональную деятельность. Личное пространство – это пространство остальных форм жизнедеятельности, помимо общественной и профессиональной, к которым относятся, например, отношения с семьей и друзьями.

Социальный миф, преломляясь в повседневности, занимает по отношению к ней главенствующую позицию и способен выступать в роли «события», обладая способностью к изменению и формированию повседневности. «Событие» может носить как положительный, так и отрицательный характер для литературного персонажа, утверждать либо разрушать повседневность.

Особый интерес для исследования преломления социального мифа в художественной повседневности представляет роман классика белорусской литературы З. Бядули «Язэп Крушынскі». Первая часть произведения была опубликована в 1929 г., вторая – в 1931 г. в самый разгар общественно-политической борьбы с так называемыми врагами. Таким образом, цель данной статьи – определить пути проникновения социального мифа в художественную повседневность в романе З. Бядули «Язэп Крушынскі».

Следует отметить, что, начиная с 1960-х гг., литературоведческое исследование романа ведется в контексте комплексного изучения творчества З. Бядули. Первыми были изданы труды А.А. Семеновича (1960), М. Смолкина (1961), которые отмечали художественную ценность образа главного героя, его гиперболизированность [5], а также актуальность романа для времени его создания, в то же время его слабые стороны [6]. Время представило новые неординарные трактовки образа Крушинского. В 2004 г. вышла книга И. Науменко «Змітрок Бядуля», в которой представлен особый взгляд на образ главного героя: «Бядуля адкрыў у сваім рамане значны сацыяльны тып» [7, с. 151]. В романе очевидно авантюрно-приключенческое начало, Остап Бендер из знаменитой дилогии И. Ильфа и Е. Петрова – двойник Крушинского. В наши дни А. Белая полагает, что «у асобе Крушынскага бачыцца алюзія на постаць Іосіфа Арымафейскага» [8, с. 137], «вобраз Крушынскага <...> ўвасабляе не толькі заганныя, а і станючыя рысы “капіталістычнай асобы”: рост самасвядомасці, развіццё здольнасцей у сувязі з раздзяленнем працы; большую ступень свабоды адносна прадметаў уласнасці» [8, с. 138].

Основная часть. Роман З. Бядули, который традиционно считается произведением о коллективизации, является «галереей» образов врагов Советской власти – кулаков и национально настроенной интеллигенции, изображенных в гротескной форме.

Первый «антисоветский элемент», с которым встречается читатель – агроном Иван Матвеевич Шаповалов, который едет с осмотром культурного хуторского хозяйства Язэпа Крушинского. До революции Шаповалов состоял в революционной организации и не был выслан в Сибирь, потому что предал товарищей, среди которых был брат его жены. После революции агроном живет в постоянном страхе быть узнанным и понести заслуженное наказание. Он судорожно ищет пути спасения и решает изменить собственную жизнь через смену повседневности. Шаповалов стремится изменить телесность: сбивает бороду, набирает вес, меняет почерк, походку, жесты, носит другую одежду. Самое главное – он берет новое имя: вместо Антона Сергеевича Мятлова он становится Иваном Матвеевичем Шаповаловым. Сле-

дующим шагом в смене идентичности становится смена места проживания: агроном покидает город детства. На новом месте жительства он не живет подолгу на квартирах, старается не прописываться, не позволяет жене иметь дела с документами.

Не без успеха утвердившись в новом облике своего социального пространства, Шаповалов обнаруживает, что личное пространство грозит еще большей бедой. В семье, перед женой и детьми, он продолжает быть Антоном Сергеевичем. Жена не понимает перемен в поведении мужа, ведь она не знает его тайны. Шаповалов проводит четкую черту между социальным и личным пространством, но делать это становится все труднее. Тогда он решается пойти на крайние меры. Когда жена уезжает навестить родственников в России, он посылает ей телеграмму о собственной смерти – решает «убить» себя прежнего, чтобы начать жизнь в качестве другого человека. Изменившись на телесном, бытовом и вербальном уровне, он приступает к замене собственной ментальности: необходимо выкинуть из памяти все прошлое, выработать новый характер. Однако новая жизнь для Шаповалова – это не раскаяние и не желание начать новую честную жизнь. Он не принимает советскую действительность, которую воспринимает «як адзін доўгі-доўгі анекдот». Тогда же он придумывает себе и новый вид творчества – сочинение анекдотов, порочащих советскую действительность, которые расходятся по всему Советскому Союзу. Изменение ментальности, таким образом, также носит вынужденный характер и является маскировкой, приспособлением к существующей действительности. Основная ценность Шаповалова – любыми способами сохранить себе жизнь, перед которой пасуют все остальные человеческие ценности.

Агроном Шаповалов регулярно навещает хозяина-хуторянина Язэпа Крушинского, который является главным героем романа. Так читатель вместе с агрономом попадает в личное пространство Крушинского. Дом, в котором живет Крушинский – поместье Курганище. Старый дом насыщен временем, портретами и предметами интерьера, оставшимися от прежних хозяев. Шаповалов называет «салон» для гостей музеем и уговаривает Крушинского ничего в нем не менять. От дома веет «шляхецай старасветчынай», это фактически «мертвый» мир, окруженный могилами-курганами. Локус проживания свидетельствует о двойственности повседневности главного героя. Он, человек, который будто бы горячо поддерживает советскую власть, фактически занимает место прежних помещиков. О себе Крушинский рассказывает много и подробно. Он составил для себя «легенду», поверить в которую пытается заставить окружающих. Шаповалов охотно слушает Крушинского, который «пляце свае ўспаміны» (слово *пляце* передает негативное авторское отношение и к рассказчику, и к тому, о чем он рассказывает), пытаясь нарисовать «портрет» друга. По словам Крушинского, ненавидеть богачей его заставила жизнь в доме у дяди, который владел в Минске рестораном. Своих сыновей дядя готовил в адвокаты и доктора, Язэпа же поощрял к учебе только в надежде сделать из него толкового бухгалтера для своего заведения. Читатель, в начале романа еще не склонный рассматривать героя как отрицательного персонажа, даже проникается сочувствием к мальчику, который оказался среди чужих людей. Поведение Язэпа раздражает хозяйку. От обиды мальчик в тот же день сбегает к родителям, но отец возвращает его обратно. Язэп с любовью вспоминает свою мать, которая жалела и ласкала его. Отец Крушинского был известным знахарем, о котором говорили, что он знает с нечистой силой. Факт рождения героя не от «обычного» человека подчеркивает его оборотничество, двойственность, хтоническую сущность, тем самым обнаруживая архитектурную основу социальной мифологемы «враг». Эпизод из детства Крушинского напоминает чеховского героя Ваньку, отданного на услужение в город. Это тяжелое детство действительно могло сформировать настоящего революционера, но в дальнейшем пути Крушинского основную роль сыграла именно обида за свою «второсортность». Он пытается стать таким же богатым, как его дядя, что является основной целью и ценностью для героя.

На ментальном и вербальном уровне изображения герой также обнаруживает свою двойственность. Крушинский выдает себя за борца с буржуазией (забастовка в ресторане, где он служил лакеем), и заверяет, что все свои действия совершает ради дела революции и Советской власти. Шаповалов же весьма иронично относится к этой «революционной» версии,

называя ее «Чырвонай пралетарскай Шапачкай» (которую когда-нибудь съест волк). Впрочем, «правдивость» Крушинского в разговоре с Шаповаловым выдает его истинную сущность: после забастовки и тюрьмы он снова возвращается к дяде в ресторан, причем еле уговаривает принять его назад, обещает быть тихим и послушным. Стремление спасти свою жизнь и репутацию оказывается сильнее «стремления» к революционной борьбе, которой, впрочем, он продолжает «заниматься». Он обманывает дядю в счетах, крадет деньги, но, по его словам, с самой благородной целью – раздать бедным. Правда, делает он это необычным способом – устраивает «образовательные» пирушки для жуликов и оборванцев, чтобы раскрыть все ничтожество жизни богатых людей. По теории Крушинского, если просто раздавать деньги бедным, то можно приучить их к лени.

После революции Крушинский женится и покупает поместье Курганище, но очень скоро соображает, что большое количество земли для него невыгодно. Ведь именно после революции, по словам автора, в обществе возникает противопоставление «богачи – бедняки»: «Яшчэ тады векавечны плямённы падзел трошачку адышоў на задні план, а на першы ледзь прыкметна выступіў новы падзел – на багатых і бедных» [9, с. 40]. Это весьма любопытный факт – возникновение подобной социальной оппозиции именно после революции, хотя, согласно советской официальной идеологии, она характерна для царского времени. Это свидетельство начала зарождения социального мифа о крестьянской среде. Тогда Крушинский решается на необычный поступок – отдает большую часть своей земли крестьянам. Так он заявляет о своей приверженности Советской власти, а также приобретает союзников. Польские власти пытаются арестовать Крушинского и запрещают крестьянам пользоваться его землей.

После возвращения Советской власти Крушинский решается на еще один передел земли в пользу крестьян, и в благодарность Дрозды и Дятлы избирают его секретарем в сельсовет. Следует отметить, что автор подробно описывает взаимоотношения племен Дроздов и Дятлов, их вековую вражду. Теперь эти племена составляют «республику» Крушинского, который вовсе не желает прекращения их вражды – ведь тогда легче ими управлять. Эта хаотичность отношений единоличников противопоставлена упорядоченности артельной и колхозной жизни. Батрачество на Крушинского превращается для крестьян в праздник – он хитро подкупает их едой, выпивкой, оплатой по выбору – деньгами или зерном. Подарки Крушинского – новые косы, газетная подписка – требует негласной, но обязательной, по мнению крестьян, отработки. Так что хотя с внешней точки зрения социальное пространство героя, его культурное хозяйство и влияние в сельсовете стоит на позициях революционных преобразований в стране, автор настойчиво раскрывает сущность врага советской власти.

Популяризации деятельности Крушинского способствует статья Шаповалова о его революционном прошлом и новых достижениях. На самом деле вовсе не хозяйство является основным средством доходов Крушинского, а незаконная, даже преступная деятельность. Еще во времена польской власти он занимается организацией конокрадства, в советское время – контрабандой, привлекая к этому некоторых крестьян и даже священника, в прошлом – офицера-белогвардейца. «Республика» Крушинского окружена «мяжою сакрэту»: «была створана як бы свая “замежная політыка”, сваё “міжнароднае становішча” – у раённым цэнтры, у акруговым. Нават у самой сталіцы – у Мінску былі яго людзі, яго прыяцелі, якія дапамагалі ў справах “рэспублікі”, працавалі на яе карысьць» [9, с. 71]. Крушинский – это «агідны васьміног, яго нянавісьць раскідвае ва ўсе бакі шчупальцы. Нянавісьць і злосць перапаўняюць усю яго істоту: па-звярынаму выслізгваюцца пенай з яго губ, са скрыгату зубоў» [10, с. 38].

В личном пространстве Крушинского, помимо двойственности в локусе проживания, обнаруживается также двойственность: обман в семье, нечистоплотность в отношениях с женщинами. Он обещечивает учительницу его детей Стэфку и дочь еврея-кузнеца Мэру, доводит до самоубийства жену Ганну.

Помимо Крушинского, в романе упомянуты герои-кулаки, которые открыто выступают против колхозов на сходах, покушаются на жизнь активистов, портят коллективное имущество, за что «ваўкоў у воўчых шкурах» сажают в тюрьму. Образам кулаков противопоставлены положительные герои – сельские активисты, комсомольцы. Социальная оппозиция «свой –

чужой» заявлена в романе предельно четко, как это было и в реальной исторической действительности. Принцип «тот, кто не с нами, тот против нас» раскрывается на примере комсомольца Федора, который, женившись, увлекся ведением собственного единоличного хозяйства и идейно «оторвался» от друзей-активистов, за что его немедленно причисляют к врагам.

Параллельно изображению сельских «врагов» выступает галерея «врагов»-интеллигентов, с которыми читатель знакомится, попадая с Шаповаловым и Крушинским в дом к «народному поэту» Антону Терешке, двоюродному брату Крушинского. Бывшие царские учителя и офицеры превратились в ученых, преподавателей, литературных критиков и писателей, изменив свою внешность и ведя двойную жизнь. Под маской советских служащих они ждут войны, свержения советской власти и установления буржуазной республики. Сеть врагов захватывает все сферы советской жизни. Особая опора, на которую рассчитывают национал-демократы, является зажиточное крестьянство, кулаки. Политика белорусизации (в частности, сбор фольклора, изучение повседневного быта белорусских крестьян) в романе подается в негативном ключе как одно из средств борьбы против Советской власти, проведение в жизнь националистических идей. События Первой белорусской академической конференции 1926 г., на которую прибыло много гостей из зарубежья, также нашли отражение в романе. Основной целью приезжих является консолидационная работа по подготовке скорого восстания против советской власти. Архетипическая основа образов врагов проявляется в их стремлении много и жадно есть на устраиваемых пирушках, что характерно для представителей «мертвого царства». В комнату одного из них «ніколі не заглядала сонца», там «аддавала халадком і ледзь прыкметнай тухляцінкай» [10, с. 264].

Особый интерес вызывает спор о целях и задачах литературы, который в гостях у Терешки слышат Крушинский и Шаповалов. Должна ли литература быть средством агитации, «асвятляць усе вакольнае з пункту погляду класавасці», либо находиться «па-за класавасцю – у творчасці вырашаць праблему агульнага чалавека»? [9, с. 156]. Этот спор отражает разногласия белорусских литературных объединений «Маладняк» и «Узвышша». «Маладняк» возник в 1924 г. как организация пролетарских писателей, признававшая активную роль литературы в борьбе за новую жизнь, недооценивавшая роль классического наследия. В 1926 г. ряд писателей, в том числе и сам З. Бядуля, вышли из «Маладняка» и создали новое литературно-художественное объединение «Ўзвышша», которое большое внимания уделяло национальной специфике, символике, образности художественных произведений.

В романе упомянут «Маладняк», членов которого враги жаждут перетянуть на свою сторону: «Хлопцы гэтыя косткамі ў горле стаяць, пішуць вершы пра торф, электрыку, фабрыкі, заводы, пра Кастрычнік, пра Леніна. Што за тэмы?! Чужыя тэмы... Няма ў іх беларускіх традыцый, адарваліся ад “нашаніўскіх” карэнняў, ад усяго роднага, цярушаць беларускі народ на нейкія прыдуманья класы... Птушкі чужога гнязда...» [10, с. 200]. Автор пытается реабилитироваться, оправдаться за уход из объединения, что вызвало массу нареканий: «Выйшаўшыя з “Маладняка” пісьменнікі выяўляюць сабой прадстаўнікоў... упаднічства, расслабленасці, містыцызму» [цит. по: 7, с. 124–125]. Именно в мистицизме, буржуазном уклоне, приверженности «нашаніўскім» традициям обвиняли З. Бядулю.

В 1928 г. началась компания критики творчества членов «Узвышша», которое, как и «Маладняк», в этом же году прекратило свое существование в связи с созданием Белорусской ассоциации пролетарских писателей (БелАПП). Полемика, до сих пор не разрешенная, уступила место принципу творческого единomyслия, что, безусловно, становилось еще одним средством активного внедрения социального мифа в сознание масс. 30 ноября 1930 г. З. Бядуля был одним из тех, кто подписал резолюцию по осуждению и требованию суровой кары для «белорусских контрреволюционных национал-демократов». По сути, в его судьбе повторилась ситуация 1920-х гг. После изначального неприятия Октябрьской революции он активно включается в пропаганду новой жизни. Попытка перейти на художественные позиции, заявленные приоритетными для членов «Узвышша», вызывает осуждение и грозит арестом и высылкой, как, к примеру, в случае с В. Дубовкой. Было очевидно, что уже никто не мог помочь товарищам, которые в государственных инстанциях были признаны винов-

ными. Таким образом, осуждающие резолюции необходимо рассматривать не как действительный протест против вчерашних коллег, а как попытку спастись и уцелеть. В 1929 г. у З. Бядули родилась дочь Софья, о судьбе которой он не мог не думать.

В романе Антон Терешка как «министр образования» также решает действовать доступным ему способом. Он перерабатывает старые народные сказки, причем таким образом, чтобы «адны прымалі маску за жывы твар, а каб другія бачылі пад маскай сапраўдны твар» [10, с. 299]. Можно предположить, что прототипом сборника Антона Терешки «Галасы палёў» был философско-аллегорический сборник Я. Коласа «Казкі жыцця», вышедший в 1926 г. Любопытно, что еще в 1923 г. в одном из писем жене Я. Колас упоминал о ссоре со З. Бядулей: «С З[митроком] Бяд[улей] у меня вышел конфликт, после которого при встрече я не подал ему руки» [11, с. 152]. Известно, что сборник Я. Коласа «Беларускія народныя казкі» подвергся жесткой критике: «Колас до настоящего времени продолжает проводить старые тенденции...» [11, с. 173], «Культпроп ЦК КП(б)Б прапануе Вам забараніць распаўсюджванне казкі Я. Коласа “Як пеўнік ратаваў курачку” як контррэвалюцыйную» [цит. по: 12, с. 72]. Более того, Я. Колас и Я. Купала были названы «ідэолагамі заможнага сялянства» [цит. по: 12, с. 88]. Впрочем, документальных свидетельств, подтверждающих соотнесенность Я. Коласа и его творчества с образами и событиями романа, найти не удалось.

В романе врагов Советской власти разоблачают и арестовывают. Ожидание правосудия мучит Терешку гораздо больше, чем его осуществление. Он даже завидует арестованному Крушинскому, сосланному на Север, присылающему письма, в которых интересуется судьбой дочерей. Те испытания, которые выпали на долю сосланных крестьян, трудности переезда, при котором гибли дети и старики, неустроенная жизнь при приезде на Север не нашли отражения в романе. Дети Крушинского, переехавшие к Терешке после ареста отца, дважды остаются сиротами. О их дальнейшей судьбе автор также не упоминает.

Дошедшая в своей деятельности до высшей точки абсурда, вульгарно-социологическая критика осудила роман. З. Бядулю обвинили в сочувствии к кулаку, его идеализации. По свидетельству Б. Микулича, автор тяжело переживал нападки в печати: «Што яны хочуць? – бывала, пытаўся ён пранікнёным шэптам» [13]. В те годы с подобной ситуацией сталкивались и другие белорусские писатели: «як жа навучыцца пісаць так, каб было правільна?» [12, с. 102].

Заключение. Таким образом, при создании романа автор занимает сознательную позицию сервиллизма по отношению к советской власти и активно внедряет социальный миф о ее врагах – кулаках и представителях национальной интеллигенции. Социальный миф реализуется на уровне системы персонажей, при создании которой автор все же старается противостоять шаблонности. Отрицательный модус восприятия формируется за счет двойственности, которая реализуется на телесном, вербальном, поведенческом и ценностном уровнях повседневности «врагов» советской власти. Отчасти авантюрный образ кулака Крушинского усложнен криминальной деятельностью, усиливающей его негативное читательское восприятие.

Литература

1. Гуревич, П.С. Социальная мифология / П.С. Гуревич. – М. : Мысль, 1983. – 175 с.
2. Мифология и идеология СССР: Сахаровский центр : Москва [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sakharov-center.ru/museum/expositions/mithology-ussr.html>. – Дата доступа : 02.02.2018.
3. Врублевский, А.П. Из истории репрессий против белорусского крестьянства, 1929–1934 гг. / А.П. Врублевский, Т.С. Протько. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
4. Дело «Союза освобождения Беларуси» / Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_«Союза_освобождения_Белоруссии». – Дата доступа : 10.04.2018.
5. Смолкін, М. Змітрок Бядуля / М. Смолкін. – Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР. Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1961. – 208 с.
6. Семяновіч, А.А. Змітрок Бядуля / А.А. Семяновіч. – Мінск : Таварыства па распаўсюджванню палітычных і навуковых ведаў БССР, 1960. – 36 с.

7. Навуменка, І.Я. Змітрок Бядуля / І.Я. Навуменка. – 2-е выданне. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 226 с.
8. Белая, А. «Цемната Геракліта» : раман «Язэп Крушынскі» як аб’ект аналітычных інтэрпрэтацый / А. Белая // Польша. – 2016. – № 6. – С. 135–141.
9. Бядуля, З. Збор твораў : у 5 т. / З. Бядуля. – Мінск : Маст. літ., 1987. – Т. 4. – К. 1 : Язэп Крушынскі : раман. – 375 с.
10. Бядуля, З. Збор твораў : у 5 т. / З. Бядуля. – Мінск : Маст. літ., 1987. – Т. 4. – К. 2: Язэп Крушынскі : раман. – 375 с.
11. Мушынскі, М.І. Летапіс жыцця і творчасці Якуба Коласа / І.М. Мушынскі ; навук. рэд. А.М. Макарэвіч. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 1127 с.
12. Гужалоўскі, А.А. Чырвоны аловак: нарысы па гісторыі цензуры ў БССР : у 2 кн. / А.А. Гужалоўскі. – Мінск : Рэдакцыя газеты «Звязда», 2012. – К. 1. 1919–1941 гг. – 304 с.
13. Мікуліч, Б. Аповесць для сябе / Б. Мікуліч. – Мінск : Маст. літ., 1993. – 238 с.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 15.04.2018